

УДК 008:130.2:7

Дихотомия «рациональное–иррациональное» В АНТИУТОПИИ

© Свечникова Е. В.

*Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры
и искусств», Минск*

В статье рассматривается оппозиция «культура–природа» и как разновидность данной оппозиции «рациональное–иррациональное». Подобная разновидность анализируется как разновидность, спровоцированная динамичностью духовной культуры человечества. Она является определяющей мировоззренческой парадигмой целой эпохи.

Автор исследует системы упорядочения мира культуры. Культура в этом контексте полностью подчиняет человека социальным нормам. Рациональность культуры выражается в виде жестких схем идеальных обществ. С этой точки зрения рассматриваются теории Платона, Томаса Мора, Кампанеллы. Жанр утопии представлен в виде квинтэссенции социальных ценностей. Исследователь определяет время угасания подобных идей и анализирует нарастание интереса к полемической направленности, которая отражает ностальгию по близости к природе. Именно близости к природе лишен цивилизованный человек. Критике основ современной цивилизации посвящен жанр антиутопии как разновидность научно-фантастической литературы. Рассматриваются особенности данного жанра.

К особенностям белорусской антиутопии автор статьи причисляет следующие характеристики: отражение духа эпохи, проблемы современности, аксиологическую сферу белорусского общества и ценностные установки его творческой элиты.

Ключевые слова: *утопия, антиутопия, ценности современности, андроцентризм, урбанизм.*

(Искусство и культура. — 2011. — № 2(2). — С. 114–119)

Dichotomy "rational–irrational" in anti-utopia

© Svechnikova E. V.

Educational establishment "Belarusian State University of Culture and Arts", Minsk

The article considers the opposition "culture–nature" and as a variant of this opposition "rational–irrational". This variant is analyzed as a variant provoked by the dynamics of human spiritual culture. It is the defining world outlook paradigm of a whole epoch.

The author studies systems of structuring the world of culture. The culture in this context completely subjects the man to social norms. The rational of the culture is revealed as rigid schemes of the ideal societies. Theories by Plato, T. Moore, and Campanula are considered from this point of view. The genre of utopia is represented by the author of the article as quintessence of social values. The researcher defines the time when such ideas go out and analyzes the increase of interest in the genre of polemic trend which reflects the nostalgia of nearness to nature. It is the nearness to nature which the civilized man is deprived of. The genre of anti-utopia as a variant of science fiction is devoted to criticizing the bases of modern civilization. The author considers peculiarities of this genre.

The author of the article refers the following characteristics: reflection of the spirit of the epoch, problems of the present time, axiological sphere of Belarusian society as well as values of its creative elite to the peculiarities of Belarusian anti-utopia.

Key words: *utopia, anti-utopia, values of the present, androcentrism, urbanism.*

(Art and Culture. — 2011. — No. 2(2). — P. 114–119)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kafkult@buk.ru — Е. В. Свечникова

Антиутопия формировалась в процессе взаимодействия с утопической традицией, иудео-христианской эсхатологией, идеями просветителей и романтиков, включила в себя элементы традиционной (крестьянской) картины мира. Этот жанр основан на эволюционистском видении человеческой истории: культура виделась как развивающаяся до определенного уровня духовности и цивилизованности, а затем деградировала. Подразумевается, что всеобщими усилиями социум (или человечество в целом) можно направить на путь истинный, на путь социального и нравственного прогресса.

Антиутопия — наследница романтизма, ее типичные черты (герой-бунтарь, ярко выделяющийся на фоне косного общества потребителей/покорных исполнителей/рабов, экзотический, в частности, футуристический хронотоп, идеалы индивидуализма и свободы) выдают ее романтическую основу. Первые антиутопии были романтическими и написаны романтиками: В. Одоевским («Город без имени» (1839), «Последнее самоубийство» (1840), Э. Бульвер-Литтоном («Грядущая раса» (1870). У истоков антиутопической традиции стоит творчество А. Мицкевича: его «История будущего» (1829) опередила российскую антиутопию на десять лет, а западную — на четыре десятилетия.

Цель статьи — выявление характерных особенностей антиутопий в русской и белорусской традициях.

Эволюция идей в антиутопии. Антиутопистов XIX в. беспокоили такие проблемы, как возможная перенаселенность Земли, доминирующий в Европе дух наживы и утилитаризма, обезличенность человека индустриального общества и проблема противостояния цивилизаций Запада и Востока. Аполлоническое начало было еще сильно: писатель XIX в. был, прежде всего, деятелем, а не созерцателем, он сознательно старался гармонизировать общество (это особенно заметно на примере творчества и гражданской позиции В. Одоевско-

го). Таким образом, антиутопия, несмотря на романтический антураж, несет в себе зерно идеологии Просвещения, его веру в идеалы, в возможность социального прогресса (ради которого и осуществляется описание бесчеловечного общества будущего). Т. е., жанр антиутопии имеет четкую цель — воздействие на умы современников для влияния на имеющиеся негативные тенденции общественного развития.

В XX в. антиутопия обрела новые мишени для критики: тоталитаризм и тоталитарное мышление (хотя начало «дискуссии», этого межвременного диалога, восходит к текстам, полемически освещающим идеи социализма, — к «Легенде о Великом Инквизиторе» (1879) Ф. Достоевского и к «Истории одного города» (1869–1870) М. Салтыкова-Щедрина). Новым стал также типаж («человек массы»), утративший индивидуальность в индустриальном обществе массовой культуры. Первые антиутопии этой эпохи — «Вечер в 2217 году» (1906) Н. Федорова, «Республика Южного Креста» (1907) В. Брюсова, «Железная пята» (1908) Дж. Лондона, «Машина останавливается» (1911) Э. Форстера, «Мы» (1924) Е. Замятина.

Характерной особенностью антиутопических произведений М. Салтыкова-Щедрина, Н. Федорова, В. Брюсова, Е. Замятина, О. Хаксли является критика унификации общества, регламентации семейных отношений и вмешательства государства в личную жизнь граждан. В качестве ценности всегда выступают свобода и индивидуальность, утверждается примат личности над коллективом. Так, в сатирическом описании города Непреклонска М. Салтыков-Щедрин выступает против нивелирования, доходящего до уравниловки, и чрезмерной рациональности [1]. В «злосчастной муниципии» регламентировано все: внешний вид и количество улиц, изб, цветов, людей. Город-казарма постоянно занят маршировкой, доносами и всеобщей работой. По команде трудятся, ро-

жают в определенное время года, по указу сочетаются браком. «Ни Бога, ни идиолов — ничего...» [1, с. 214]. Отметим эту тоску по метафизическому — ностальгию по иррациональности. Процесс секуляризации набирал обороты, антиутопия отражала важнейшие изменения в духовной культуре европейского общества.

В повести Н. Федорова «Вечер в 2217 году» (1906) [3, с. 25–42] описано общество, в котором упразднен институт брака и семьи [2, с. 28]. В этом обществе «однообразных, как манекены, людей» и труд, и продолжение рода — все принудительно. Текст содержит явную полемику с коммунистической идеологией и идеей народовластия (в авторском понимании, власти толпы) [2, с. 36]. Н. Федоров выступает за свободу веры, чувства и действия.

В повести В. Брюсова «Республика Южного Креста» (1907) [2, с. 45–63] описано государство, в котором демократия на поверку оказывается тиранией, власть держится благодаря «...беспоощадной регламентации всей жизни страны» [2, с. 48]. Тенденция к унификации всех видов деятельности человека, характерная для массового общества, была предвидена и гротескно изображена автором: все в Республике унифицировано: архитектура, интерьеры, пища, одежда, печатные издания. Действуют цензура и тайная полиция. Государство контролирует образование и воспитание детей, медицину, религиозные организации. Власть народа на деле является властью элиты, тотальная несвобода и тотальный контроль губельны для общества.

В романе Е. Замятина «Мы» (1924) [2, с. 235–386] изображена «идеальная несвобода»: жизнь по расписанию, любовь по записи, обязательное образование, обязанность каждого гражданина прославлять власть, унифицированная одежда, банальные общепринятые идеи. Борьба разума с инстинктами в итоге приводит к гибели человеческого в человеке. У главного героя романа все ориентиры перевернуты: что такое душа, он не зна-

ет, непрочный любовный треугольник, в котором каждый человек — всего лишь «сексуальный продукт», он считает семьей; для него лишь полезное красиво и т. д. Авторским идеалом является человек, независимый от власти, человек, который может себе позволить творить, любить, мыслить критически, быть оригинальным. В романе явственна полемика с античным рационализмом (представлениями о сферичности космоса, о познаваемости и космоса, и микрокосма), вскрывается иллюзорность представлений о возможности рационального ограничения хаоса человеческой души.

Объектом сатиры Н. Федорова, В. Брюсова, Е. Замятина были социалистический и коммунистический социальные проекты. Центральной темой стало осуждение рационализации иррационального и биологического, природного — сферы чувств, желаний, творчества, деторождения и т. д.

В романе «О дивный новый мир» О. Хаксли (1932) наука, избавленная от этики, буквально творит человека, присвоив тем самым функции Творца. Соответственно, такая наука, вместе с принципами «общности, одинаковости, стабильности», которые означают однотипность людей — как физическую, так и интеллектуальную, — это отрицательный полюс в пространстве антиутопии. Жители Мирового Государства лишены семьи, единобрачия, любовной романтики. Анахронизмом для них является христианство и связанные с ним представления о душе и ее бессмертии. Положительный полюс антиутопии О. Хаксли — культура и природа, искусство и религия, гуманная наука, свобода и свободомыслие. Таким образом, антиутопия О. Хаксли осуждает «рациональную утилизацию человека» (выражение Р. Гальцевой и И. Роднянской), выступающего в качестве рабочей силы и сырья (человек как средство и даже как сырье — мотив, распространенный в антиутопиях) [3]. Общая для перечисленных антиутопий черта — кри-

тика негуманного рационализма и утилитаризма в устроении социума.

Антиутопия, как нам представляется, отражает усталость человека от культуры: поэтому она кажется репрессивным началом, а ее институты — слишком рациональными для такого иррационального существа, как человек. Общемировая тенденция к возрастанию рациональности в организации всей социальной деятельности, нарастающая степень подконтрольности граждан государственным структурам кажутся угрожающими самой человеческой природе.

Трансформация антиутопии в экранной культуре. Литературная антиутопия породила кинематографическую. В XX в. были экранизированы произведения Дж. Оруэлла, Р. Брэдбери, Э. Бёрджесса, появились анимационные антиутопии. Первой киноантиутопией стал фильм «Метрополис» (1926) Ф. Ланга — шедевр немого кино, насыщенный архетипическими образами и мотивами, которые вошли в канон жанра и фигурировали в позднейших антиутопиях, в частности, литературных (мотивы противостояния власти и трудящихся, нарушения справедливого миропорядка, восстания против несправедливости, темы тоталитарного и индустриального общества, дегуманизации человека; мифологема Вавилонской башни, всемирного потопа, райского сада, грешного города, механического человека, символ горы, архетипы анимы и матери (в позитивном аспекте), мудрого старца (в негативном аспекте).

В фильме Ж.-Л. Годара «Альфавиль, странные приключения Лемми Кошона» (1965) развиваются типичные антиутопические мотивы негуманного (тоталитарного) социума и всеобщего отчуждения. В фильме современная цивилизация демонизируется, наука превращает людей в марионеток, бесчувственных мутантов. Акцентируется внимание на противостоянии природы и цивилизации, логики и иррациональных чувств. В этом обществе технократов нет артистов, музыкан-

тов, художников. Здесь запрещены любовь и сострадание. Здесь исчезают слова: их запрещают. Это классический антиутопический мотив немой души, отсутствия речи.

В фильме С. Кубрика «Заводной апельсин» (1971) по одноименному роману Э. Бёрджесса главный герой Алекс воплощает архетип *тени*. Центральной становится проблема свободы выбора между добром и злом, тема тотального государственного контроля. Фоном для событий служит бездуховное общество консьюмеризма.

Одной из самых известных киноантиутопий стала «Бразилия» (1985) Т. Гильяма, содержащая аллюзии на творчество Ф. Кафки и Дж. Оруэлла. Предмет изображения — бюрократическая структура, подавившая общество. Черты современного общества были доведены до абсурда. Как обычно в антиутопиях, подавляются свобода, мечта и любовь. В антиутопическом мире рациональность почти полностью подавляет иррациональное, а значит, сущностное, природное — то, что делает человека человеком. Режиссер вводил тонкие смысловые нюансы с помощью цветовой символики (сочетание теплых и холодных тонов в подсветке как символ разлада), детали интерьера выражали дихотомию красота-утилитарность (это делалось с помощью вездесущих труб и механизмов, загромаждающих интерьерное пространство). Сны героя содержат архетипическую символику. В современной антиутопии появились новые темы, например, в мультипликационной антиутопии «Метропия» (2009) режиссер Т. Салех затронул тему глобализации и власти транснациональных корпораций. Тема дополняется обычным мотивом контроля над мыслями и поведением человека.

В российском кино имеются антиутопия-притча «Кин-дза-дза» (1986) Г. Данелии и киноантиутопия «Обитаемый остров» (2008), снятая Ф. Бондарчуком по мотивам произведения братьев Стругацких. В настоящее время готовится к выходу на экран мультипли-

кационный фильм «Кин-дза-дза!», который будет новой авторской версией известного сюжета.

В Беларуси антиутопии не экранизировались.

Список киноантиутопий велик, и, к сожалению, в рамках настоящей статьи нет возможности провести более детальный обзор.

Пространство антиутопии. Антиутопия выражается преимущественно в тех видах искусства, которые обладают вербальным компонентом: литературе, кино, театре. Есть также примеры музыкальной (песенной) антиутопии, к которым относятся, в частности, песни российской группы 2Н Company («Филип Дик», «Сумрачный абсурд»). В первой описывается техногенное общество будущего, где роботы держат людей в резервации, наука преследуется, инакомыслие жестоко карается. В песне «Сумрачный абсурд», ставшей важным компонентом балета «Ринг» (2007), поставленного в Мариинском театре А. Мирошниченко, дан антиутопический вариант развития общества, в котором преобладают высокая духовность и эстетизм. В соответствии с канонами жанра антиутопии, в постапокалиптическом обществе вера и эстетический вкус насаждаются насильно.

Кроме таких видов искусства, как литература, кино, театр, антиутопизм затронул также индустрию развлечений: существует несколько десятков компьютерных игр с антиутопическими элементами сюжета. В игре Mirror's Edge/«Грань отражений» (2008) изображено общество будущего, где правительство контролирует всю информацию, передающуюся средствами массовой коммуникации. Игра Half-Life 2 / «Период полураспада» 2 (2004) содержит элементы классической антиутопии (полицейское государство, контроль над людьми с помощью вживленных в мозг микрочипов и т. д., уравниловка, в частности, единообразие одежды). В игре The Moment of Silence/«Минута молчания» (2004) раскрывается тема борьбы ря-

дового гражданина с системой, правительством, которое утаивает правду и, как выясняется, контролируется компьютером. Игра Fallout/«Радиоактивные осадки» (первая игра этой серии появилась в 1997 г., серия продолжается до настоящего времени и имеет многомиллионную аудиторию) погружает игрока в постядерный мир деградировавшего человечества. Жизнь города Vault City строго регламентирована, осуществляется контроль над рождаемостью, наличествуют жесткая иерархия и рабство.

Антиутопия предопределила появление такого жанра, как киберпанк, расцвет которого пришелся на 80–90-е гг. XX в. Классикой жанра стала трилогия У. Гибсона «Киберпространство» (1984–1988), образчик кино в жанре киберпанка — фильм «Матрица» (1999), снятый режиссерами Э. и Л. Вачовски). В отличие от антиутопии, в произведениях жанра «киберпанк» акцент делается на высоких технологиях и связанных с ними проблемах искусственного интеллекта, виртуальной реальности и геной инженерии. Однако характерные для антиутопий темы индивидуальности, гуманности и свободы не утрачивают своей актуальности.

Что касается отечественной антиутопической традиции, можно отметить нетипичность антиутопии, равно как и утопии, для белорусской литературы: со времен А. Мицкевича жанр антиутопии не развивался, и лишь в 1983 г. была опубликована пьеса А. Макаенка «Дышите экономно!..», которую можно охарактеризовать как антиутопию. В 1984 г. был опубликован роман Э. Скобелева «Катастрофа». Самыми известными белорусскими антиутопиями стали повесть А. Адамовича «Последняя пастораль» (1987), повесть «Корабль» (1989) В. Гигевича и вышеупомянутая пьеса А. Макаенка.

В Беларуси были осуществлены театральные постановки и создан радиоспектакль по произведению А. Адамовича «Последняя пастораль» (1988, режиссер В. Анисенко).

По пьесе А. Макаенка «Дышите экономно!..» были поставлены спектакли в гомельском Народном театре мимики и жеста (режиссер В. Иванов, 1984) и Брестском областном драматическом театре имени Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии (режиссер Н. Трухан, спектакль назывался «Потоп», 1987). Он отражал реалии «холодной войны» и поднимал тему противостояния социалистического и капиталистического миров. В Республиканском театре белорусской драматургии («Вольная сцена») режиссер Н. Динов поставил спектакль «Последняя пастораль» (1998) по мотивам одноименной повести А. Адамовича. Надо отметить, что постановка Н. Динова была тепло воспринята публикой и, по мнению критиков, имела новаторский бунтарский характер. По замыслу режиссера, особое значение в спектакле приобрела тема «возвращения к национальным корням», обретения исторической памяти. В Государственном театре кукол Республики Беларусь режиссер А. Янушкевич написал пьесу и поставил спектакль по мотивам произведения М. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (2005). Художник В. Рачковский создал для кукольного спектакля параллельный тексту-прототипу ряд архетипических образов, что было связано с творческой задачей: совмещением двух временных пластов — советского времени и художественного времени произведения М. Салтыкова-Щедрина. Центральным образом-символом спектакля стала огромная стена с проломами, адекватно передающая сатирический образ истории страны как сочетание абсурда, распада и разлада.

Заключение. Таким образом, характерными чертами белорусской антиутопии являются андроцентризм, приверженность к традиционным ценностям, использование библейских мотивов и символики. В национальной антиутопии можно выделить *антиурбанистическое* крыло (произведения В. Гигевича,

Э. Скобелева, Ю. Станкевича и др.): дихотомия «природа» и «культура» выражается в белорусской антиутопии как противостояние Города и Деревни. Также специфичной является тема утраты нематериального культурного наследия (веры, традиций, языка). Белорусская антиутопия, как правило, обращается к осмыслению событий советского времени, что снижает ее актуальность. Если главный герой национальной антиутопии — это олицетворение городской культуры, науки и цивилизации, то героиня-анима персонифицирует природу, душу, чувство (классической парой такого типа являются герои В. Гигевича из повести «Корабль» — Ёх/Иахам и Альмина). Тем самым маркируется противостояние и взаимодействие рационального и иррационального, культуры и природы.

С культурологической точки зрения, белорусская антиутопия ценна тем, что в полной мере отражает дух эпохи, проблемы современности, аксиологическую сферу нашего общества и ценностные установки его творческой элиты. В своих наилучших проявлениях (например, в произведениях А. Адамовича («Последняя пастораль»), А. Щуцкого («Шахид») белорусская антиутопия поднимается до осмысления современности в духе мультикультурализма и гуманизма. Антиутопия — выражение надежды на позитивные изменения в обществе, на гармонизацию взаимоотношений иррационального и рационального начал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города / М. Е. Салтыков-Щедрин. — М.: Астрель: АСТ: ВЗОИ, 2004. — С. 208–214.
2. Вечер в 2217 году: рус. лит. утопия / сост., авт. предисл. и коммент. В. П. Шестаков. — М.: Прогресс, 1990. — С. 25–42.
3. Гальцева, Р. А. Знаки эпохи. Философская полемика / Р. А. Гальцева. — М.: «Летний сад», 2008. — С. 346.

Поступила в редакцию 29.03.2011 г.